

**МОТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИРИЧЕСКИМ «Я»,  
В «СТИХОТВОРЕНИЯХ, КРАСИВЫХ В ПРОФИЛЬ»  
АНДРЕЯ СЕН-СЕНЬКОВА**

Ключевые слова: *лирическое "я", лирический субъект, лирический герой, современная поэзия, Андрей Сен-Сеньков, коммуникативная структура лирики, эготивный тип текста, семантические группы мотивов.*

*Статья является продолжением исследования, рассматривающего проблему коммуникации, связанную со спецификой лирики как литературного рода. Предмет лирического изображения в ней раскрывается через образ лирического героя и его отношение к миру и адресату. В работе мы обращаем внимание на способы выражения лирического субъекта и его адресата, на особенности субъектно-объектных отношений в книге «Стихотворения, красивые в профиль» Андрея Сен-Сенькова, в которой мы рассматриваем мотивы, связанные с лирическим «я». Данный анализ выявляет формы выражения лирического «я» и дает возможность проследить за формированием образа лирического субъекта автора. Внимание уделяется не только оценочным высказываниям, но и всем действиям, которые совершает субъект. Набор этих действий для разных авторов индивидуален, однако мы можем увидеть различие мотивов и у одного автора в разные периоды творчества.*

Наше исследование посвящено проблеме коммуникации в современной лирике.

Основная модель переноса теории коммуникации на культуру разработана еще Р.О. Якобсоном в работе «Лингвистика и поэтика» [Якобсон, 1975]. Эта модель позволяет связать круг проблем изучения языка, искусства и в целом культуры с теорией коммуникации.

Несмотря на малую изученность лирики с точки зрения коммуникации, работы по этой теме есть, исследования лирической коммуникации сводятся в первую очередь к выявлению позиций автора и читателя, к разграничению голоса автора и лирического субъекта, собственно внутритекстового образа автора. О позиции автора и читателя пишут Руссова С.Н. в работе «Автор и лирический текст» [Руссова, 2005] и Шмид В. в «Нарратологии» [Шмид, 2003]. Разграничению голоса автора и лирического субъекта посвящены книги: Л.Я. Гинзбург «О лирике» [Гинзбург, 1974], Тынянова Ю.Н. «Поэтика. История литературы. Кино» [Тынянов, 1977]. О внутритекстовом герое – исследования Кормана Б.О.

«Избранные труды по теории и истории литературы» [Корман, 1992] и Бройтмана С.Н. «Русская лирика XIX–начала XX века в свете исторической поэтики» [Бройтман, 1997].

В работе Ю.И. Левина «Лирика с коммуникативной точки зрения» [Левин, 1998] впервые в полном объеме поставлена теоретическая проблема коммуникативного статуса лирики с учетом всех особенностей этого литературного рода. Однако значительным минусом работы является нечеткость классификации лирических текстов.

Теоретической основой работы стал подход к изучению проблемы коммуникации, разработанный И.В. Романовой, Т.А. Матаненковой и Я.Ю. Двоенко в серии работ: «Лирическая коммуникация: вопросы методики и поэтики» [Романова, Матаненкова, Двоенко, 2017], «Мотивы, связанные с лирическим "я", в лирике И.А. Бунина» [Романова, 2008], «Применение индекса апеллятивности для определения уровня адресации лирических текстов» [Романова, Матаненкова, 2019], «Коммуникативная структура "Римских элегий" И. Бродского» [Романова, 2015], «Лирическая коммуникация в стихотворениях Гервасия Псальмова» [Романова, 2014], «Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: монография» [Романова, 2017], – на основе модели В. Шмида, приведенной в монографии «Нарратология» [Шмид, 2003].

Как пишет И.В. Романова: «Специфическая особенность собственно повествовательного текста заключается, по утверждению Шмида, в том, что внешняя коммуникативная структура "автор – изображаемое – читатель" как бы повторяется внутри изображаемого мира в структуре «фиктивный нарратор – повествуемое – фиктивный читатель». // В случае с лирикой назревает необходимость уточнить терминологию. Вместо понятия «фиктивный нарратор» мы будем пользоваться понятием «лирический субъект». // Мы считаем, что применительно к лирике коммуникативная модель текста выглядит следующим образом. Автор создает лирическое произведение с характерными чертами поэтики, адресуя его некоему идеальному в его представлении читателю – абстрактному читателю. // Автор, лирическое произведение и абстрактный читатель, в нашем представлении образуют авторско-читательскую коммуникацию». [Романова, 2007, 9–15]. Наше понимание лирической коммуникации и лирического субъекта совпадает с И.В. Романовой.

Нами уже были опубликованы работы, посвященные мотивам, связанным с лирическим «я», в современной лирике: «Мотивы, связанные с лирическим "я", в лирике Елены Агинской» [Леонова, 2019а], «Мотивы, связанные с лирическим "я", в поэзии Антона Азаренкова» [Леонова, 2019б], «Мотивы, связанные с лирическим "я", в стихотворениях Дмитрия Веденяпина» [Леонова, 2020а], «Мотивы, связанные с лирическим "я", в лирике Линор Горалик» [Леонова,

2019в], «Мотивы, связанные с лирическим “я”, в поэзии литературной студии ”Персона” [Леонова, 2019г], «Мотивы, связанные с лирическим “я”, в лирике Веры Павловой» [Леонова, 2018], «Особенности мотивов, связанных с лирическим “я”, в лирике Антона Азаренкова: от “\*\*\*\*” к “Детской синиме”» [Леонова, 2020б], «Мотивы, связанные с лирическим “я”, в книге Веры Павловой “Проверочное слово”» [Леонова, 2019д].

Материалом настоящего исследования стала лирика Андрея Сен-Сенькова, а именно книги «Стихотворения, красивые в профиль» 2018 года, состоящей из 153 текстов [Сен-Сеньков, 2018]. Андрей Сен-Сеньков – довольно известный современный поэт, шорт-листер Премии Андрея Белого 2006 г., автор пяти книг стихов и визуальной поэзии.

Во время исследования коммуникативной структуры мы используем классификацию выражения лирического субъекта в лирическом тексте, предложенную И.В. Романовой [Романова, 2007, 38–56]. Данная классификация позволяет и вычленить из текста лирический субъект, и понять направленность авторского видения. Согласно этой классификации, поэтические тексты можно разделить на несколько групп:

1. Эготивные стихотворения. Особенность данного типа в том, что лирическое «я» находится в центре, адресат отсутствует. Стихотворение сводится к описанию лирического героя или лирического субъекта.

2. Апеллятивные стихотворения. В таких текстах в центре описания находится адресат. Он может быть выражен через прямое обращение или с помощью местоимений 2 лица. В апеллятивных текстах автор уделяет внимание некоему «ты».

3. Безлично-безадресный тип. В нем лирический субъект и лирический адресат максимально скрыты, изложение ведется от 3 лица. Автор может описывать человека, вещь, ситуацию и т.д. В безлично-безадресных стихотворениях центром внимания автора является «мир».

4. Смешанный тип – это комбинация, обозначенных выше групп.

В работе мы будем рассматривать стихотворения эготивные и содержащие эготивный элемент, те случаи, где лирический субъект является носителем речи, объектом описания, повествования.

Под мотивом мы понимаем конструкцию, в основе которой лежит действие, выраженное глаголом и его формами. Мы рассматриваем только те мотивы, в которых прямо или косвенно задействовано первое лицо (лирический субъект, а не грамматический), поэтому мы анализируем действия по отношению к лирическому субъекту.

Вслед за И.В. Романовой мы выделяем два основных вида мотивов [Романова, 2008]:

1) активные, в которых лирическое «я» выступает в роли субъекта «с тех пор, слушая музыку, я боюсь мгновения, / когда она закончится» [Сен-Сеньков, 2018, 110]

2) пассивные, в которых лирическое «я» выступает в роли объекта действия «бог метит нас с самого детства белым цветом» [Сен-Сеньков, 2018, 83].

Следует подчеркнуть, что наш подход не совпадает со строго грамматическим, связанным, в частности, с проблемой залога. С грамматической точки зрения, субъект должен выступать обязательно в роли подлежащего. Мы основываемся на поэтических текстах, осуществляя подход литературоведческий, при котором нам важнее смысл, а не строго формальное его выражение (например, конструкции типа: «у меня нет» [Сен-Сеньков, 2018, 37] = я не имею машины. Подобная точка зрения находит подтверждение в работах Г.А. Золотовой, специалиста в области коммуникативного синтаксиса [Золотова, 1982, 2004]. Впрочем, следует признать, что есть и переходные случаи, при которых сложно однозначно определить, что является в мотиве субъектом. Например, когда, с одной стороны, «я» стоит в именительном падеже, что дает основание считать его субъектом. Но субъект этот бездейственный, испытывающий воздействие. Подобные случаи мы будем рассматривать с точки зрения семантики, поэтому мы отнесем подобные случаи в пассивные мотивы.

Способы выражение лирического «я» в составе мотива:

– непосредственно через личное местоимение первого лица единственного числа: «я так испугался, что прекрасная музыка внезапно исчезла, / испугался так, что даже не заплакал» [Сен-Сеньков, 2018, 110];

– может быть представлено метонимически через духовные и телесные составляющие (душу, сердце, мысли, глаза, руки и т.п.): «**наши** короткие военнопленные / **предложения** / в прилагательных шинельках / пошатываясь проходят мимо» [Сен-Сеньков, 2018, 21];

– в функции «я» может выступать форма множественного числа «мы», включающая лирическое «я» в состав некой общности: «**мы** знаем того кто всё выпил / просто делаем вид что не замечаем / как человека занявшего любимый столик в кафе» [Сен-Сеньков, 2018, 129];

– «я» / «мы» может быть представлено в обобщенной форме инфинитивов или условного наклонения: «это сильно отличается от того / как **смотреть** на дождь снизу или со стороны» [Сен-Сеньков, 2018, 86].

Мы выделили следующие семантические группы мотивов: деятельность органов, ментальные действия, информационные и творческие действия, экзистенциальные действия, перемещение, расположение в пространстве, действия орудием, ремесло, прочее.

Складывается впечатление, что в творчестве Сен-Сенькова отсутствует лирическое «я». Проверим это, используя описанную выше методику.

Результаты исследования коммуникативной структуры лирики Сен-Сенькова показали, что в его стихотворениях больше всего текстов безлично-безадресного типа, то есть для автора приоритетно описание мира как такового. Они занимают 73% всей книги. Это очень большой показатель для творчества современного автора, но ожидаемый для исследуемого поэта. 20% образуют стихотворения безлично-безадресно-эготивного типа, то есть лирический субъект и лирический мир в них рассматриваются в совокупности. Как видим, лирический субъект все-таки присутствует в текстах Андрея Сен-Сенькова. Редки проявления безлично-безадресно-апеллятивного типа (7%) и безлично-безадресно-апеллятивно-эготивного типа (3%), то есть интерес к адресату совсем мал. Эготивный и апеллятивный типы в чистом виде, как и комбинации их друг с другом, отсутствуют, что может говорить об отстраненности от адресата и о тенденции к восприятию лирического «я» только во взаимодействии с миром.

При анализе стихотворений мы рассматривали не только сам их текст, но и названия, это связано с особенностью поэтики Сен-Сенькова, названия у которого довольно объемны.

Самой большой семантической группой, характеризующей действия лирического «я» в «Стихотворениях, красивых в профиль», оказались «действия органов» (21%). Несмотря на многочисленность мотивов группы, эготивный элемент у Андрея Сен-Сенькова довольно редок, поэтому говорить об особенностях мотивов, связанных с лирическим субъектом, довольно трудно, ведь лирическое «я» раскрыто не очень ярко, редко является темой описания, однако мы можем выделить в этой группе мотив, связанный с движением тела: «у меня нет машины / но иногда **я** подхожу / **наступаю на него** / жду немного / и **наступаю снова**» [Сен-Сеньков, 2018, 37], «когда **я открываю рот** / и кричу так громко / что не слышу / приходит он и проверяет длинными глазами / все ли деревянные таблетки кораблей / **проглоченные мной** / растворились» [Сен-Сеньков, 2018, 74], «**я** залез на стул и **стал крутить ручки настройки** огромной радиолы // в какой-то момент **нога соскользнула** / и я полетел вниз, потащив за собой радиолу» [Сен-Сеньков, 2018, 110], «**я лежал не шевелясь**» [Сен-Сеньков, 2018, 110]. Мотивы «слушать»: «вот уже **ты вообще ничего не слушаешь** / кроме джо дассена» [Сен-Сеньков, 2018, 26] (в данном случае, ты = я), «когда **я открываю рот** / и

кричу так громко / что **не слышу** / приходит он и проверяет длинными глазами / все ли деревянные таблетки кораблей / проглоченные мной / растворились» [Сен-Сеньков, 2018, 74], «с тех пор, **слушая музыку, я боюсь мгновения, / когда она закончится**» [Сен-Сеньков, 2018, 110] и «видеть»: **«в час ночи / с балкона / смотрю на последний автобус / очень медленно и грустно / разворачивающийся / чтобы уехать туда / где можно спать сладко / стоя»** [Сен-Сеньков, 2018, 24], «этот теплокровный страх перепутать / похож на **греческий остров / который скоро увижу**» [Сен-Сеньков, 2018, 67], «живя на двадцать втором этаже / **я вижу дождь сверху** / это сильно отличается от того / как **смотреть на дождь снизу или со стороны** / струи падают неровно / переплетаются сталкиваются разбиваются / и в каждую умещается строчка каммингса / ни у кого даже у дождя нет таких маленьких рук» [Сен-Сеньков, 2018, 86], «в албанском небе млечный путь не из молока / а из белых доньшек пустых кофейных чашек // мы знаем того кто всё выпил / просто **делаем вид что не замечаем** / как человека занявшего любимый столик в кафе» [Сен-Сеньков, 2018, 129].

Рассматривая мотив, связанный с телодвижениями, мы заметили, что чаще всего действия лирического «я» направлены на предметы, например: на лежащий полицейский, который хочет любви за свою работу, чтобы люди к нему возвращались; на огромную радиолу, ручки которой надо покрутить, чтобы появилась музыка; на деревянные таблетки кораблей, которые, будучи морем, лирический субъект заглатывает. Наличие этого мотива может свидетельствовать об участии лирического «я» в рамках текста не только в роли наблюдателя, но и активного деятеля.

Что касается мотива «видеть», конечно, он довольно популярен у многих авторов, так как является способом введения в текст описания мира, однако нам важно не то, что субъект совершает это действие, а то, на что именно обращено его внимание или наблюдаются ли какие-то особенности при выполнении этого действия. При анализе мотива «видеть» выясняется некая закономерность, найденная в двух текстах: лирический субъект наблюдает за миром во время дождя с высоты многоэтажного дома.

А вот мотив «слышать», мало встречающийся у современных поэтов, связан с музыкой, которая нередко становится темой в текстах безлично-безадресного типа.

Вторая группа мотивов, выделяемая нами по частотности, – «ментальные действия» (18%). Здесь можно назвать мотивы «испытывать негативные эмоции»: **«я так испугался, что прекрасная музыка внезапно исчезла, / испугался так, что даже не заплакал»** [Сен-Сеньков, 2018, 110], «с тех пор, слушая музыку, **я боюсь мгновения, / когда она закончится**» [Сен-Сеньков, 2018, 110],

«он хотел стать клоуном с детства  
я смеялась, чтобы поддержать его  
даже когда **было не смешно**  
сын **не смешно было всегда**  
лучше бы я родила девочку  
акробатку» [Сен-Сеньков, 2018, 159].

Мотивы «помнить»: «**мы плохо с ним** помним она женщина город или кошка / помним только что // всегда хотели купить ей шубку / но она в ней уже родилась // и умерла» [Сен-Сеньков, 2018, 11], «я всё время **вспоминаю супругов Чаушеску** когда мою жену просят подойти к телефону называя ее по имени-отчеству – Елена Николаевна» [Сен-Сеньков, 2018, 124]; и «видеть сны»:

«каждую ночь **снится**  
что я строю большой серый дом  
из одной только пылинки  
пылинка особенная  
у нее два пальца  
и место  
за которое утром она щиплет себя  
чтобы я не проснулся» [Сен-Сеньков, 2018, 82];

«она мне никогда не снилась / зато / **снились страшные московские куклы семидесятых** / с их честными, / ничего не обещающими, / сросшимися пальцами» [Сен-Сеньков, 2018, 161].

Эмоции представлены страхом. Лирический субъект очень боится мгновения, когда музыка перестанет играть. Его реакции на страх непредсказуемы, он не плачет, будучи ребёнком, а в тексте, написанном от лица матери, чей сын всегда хотел стать клоуном, смеётся, когда всегда не смешно, чтобы поддержать его.

Воспоминания лирического «я» связаны с женскими образами: с Братиславой, которая возможно город, женщина или кошка, которой всегда хотелось купить шубку, или Еленой Николаевной Чаушеску, расстрелянной в Бухаресте, которая является тезкой жены лирического субъекта. Что интересно, и в первом, и во втором тексте появляется не только упоминание города, но и кошки. Если обратить внимание на еще один текст «Пляж на орбите» [Сен-Сеньков, 2018, 16], можно заметить, что в лирическом мире автора женщины часто идентифицируются с кошками.

Во снах «я» видит, как он строит «большой серый дом из одной только пылинки» [Сен-Сеньков, 2018, 82] и «страшных московских кукол семидесятых / с их честными, / ничего не обещающими, / сросшимися пальцами» [Сен-Сеньков, 2018, 161], когда последние модели кукол Барби из нежной пластмассы совсем не снятся.

Третьей семантической группой становятся «экзистенциальные действия» (16%), представленные мотивом «действия, связанные с детством». Очевидно ощущение прошедшего, но не исчезнувшего до конца детства. Здесь и история о падении радиолы, когда лирическому субъекту было 4 года [Сен-Сеньков, 2018, 110], и высказывание, включенное в название текста, что «у **каждого ребёнка из нас своё метро**» [Сен-Сеньков, 2018, 132], из другого текста: «**Наши детства заканчиваются**/ когда у трехколесных щенков/ купируют хвосты / превращая/ в дорогих породистых инвалидов» [Сен-Сеньков, 2018, 133], или, к примеру, уже из другого стихотворения вопрос: «**Сколько у меня внутри осталось детей** чтобы помешать игрушкам доехать?» [Сен-Сеньков, 2018, 139]. Заметно, что тема «детства» и мотив, связанный с ней, воплощаются либо через воспоминания о предметах из той поры – радиола, велосипед, либо через образ метро.

Четвертое место занимает группа «информационные и творческие действия» (15%). Как таковых мотивов не образовалось, так как нам встретилось всего по два употребления из каждого из потенциальных мотивов:

читать: «**вот ты перечитываешь /стихотворение** своего рижского / друга / про джо дассена / и его леопардовые плавки» [Сен-Сеньков, 2018, 26] и «Книжка, а **давай мы не будем тебя читать**» [Сен-Сеньков, 2018, 10];

говорить: «**наши** короткие военнопленные / **предложения** / в прилагательных шинельках / **пошатываясь проходят мимо**» [Сен-Сеньков, 2018, 21], «в детстве мама всё время поправляла меня, / когда **я называл карие глаза коричневыми**» [Сен-Сеньков, 2018, 162];

знать: «в детстве **я знал / что аквариум придумали умные / рыбы**» [Сен-Сеньков, 2018, 41], «в албанском небе млечный путь не из молока / а из белых доньшек пустых кофейных чашек // **мы знаем того кто всё выпил** / просто делаем вид что не замечаем / как человека занявшего любимый столик в кафе» [Сен-Сеньков, 2018, 129];

действия, связанные с кажущимся:

«старший друг пятилетний павлик  
учил меня топтать дождевых червей  
за то что у них нет лиц

**иногда казалось что всё же есть** –  
младенческие  
таких было мало и мы их отпускали  
им сильно повезло

**мне кажется они до сих пор живы**  
эти розовые чуть-чуть люди» [Сен-Сеньков, 2018, 113].

Пятое место и шестое место представлены группами «прочее» (12%) и «перемещение» (11%), мотивы в которых не образовались.

Группа «расположение» (6%) представлена только двумя случаями употребления глагола «жить» в значении «находиться где-то»: «они **как и мы давно живут в цифровом мире**» [Сен-Сеньков, 2018, 58] и «**живя на двадцать втором этаже / я вижу дождь сверху / это сильно отличается от того / как смотреть на дождь снизу или со стороны**» [Сен-Сеньков, 2018, 86].

Самая малочисленная группа – «действие орудием, ремеслом». Это самая непопулярная группа у всех современных авторов. Всего 1% в стихотворениях Сен-Сенькова.

Если говорить о пассивных мотивах, то есть тех, где лирическое «я» выступает в роли объекта, на него направлены действия персонажей, то самой популярной семантической группой мотивов становятся экзистенциальные действия (30%). Среди них можно выделить мотив «действия, связанные с богом»: «**бог метит нас с самого детства белым цветом / как будто обливает бензином то место / которое хочет поджечь**» [Сен-Сеньков, 2018, 83],

«на потолке нью-йоркского центрального вокзала  
созвездие рыб и созвездие рака  
изображены в зеркальном отражении.

**так сквозь них на нас смотрел бы  
бог.**

**но он не смотрит.**

он художник-любитель.

продает в туристических местах  
пейзажики где чистое дотла небо.  
свои произведения

он не подписывает» [Сен-Сеньков, 2018, 109].

В них лирическое «я» либо является отмеченным богом, либо Бог не смотрит на него.

Прочие группы малочисленны, связанных мотивов не образуют.

Наше исследование показало, что, несмотря на малочисленность эготивного элемента, лирический субъект не только присутствует в текстах Андрея Сен-Сенькова, но и является их активным участником, имеет свою историю и даже некоторые особенности поведения, что может намекать о наличии лирического героя, однако для этого заключения анализа одной книги стихотворений недостаточно. Пока мы можем говорить только об особенностях найденных и исследованных нами мотивов, которые в основном связаны с авторской созерцательностью. Лирический субъект Сен-Сенькова не только всевозможными способами воспринимает мир, но и вступает с ним во взаимодействие. Он смотрит на мир под другим углом, как с высоты на дождь, внимательно прислушивается к каждому звуку и боится, что музыка жизни кончится. В реальный мир лирический

субъект вплетает мир детских и любовных воспоминаний и мир сновидений. Лирическое «я» не только наблюдает за этим необычным миром, но и наблюдаемо Создателем.

### Литература

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 269–310.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 504.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 445.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX–начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. С. 307.

Виноградов В.В. О задачах стилистики: (Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума) // Русская речь. 1923. № 1. С. 289.

Виноградов В.В. О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. 1922. Вып. 1. С. 136.

Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Наука, 1930. С. 186.

Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 360.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. С. 368.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. С. 544.

Корман Б.О. Авторское сознание в лирике К.Н. Батюшкова (ценностный уровень) и традиции русской поэзии XVIII века // Проблема автора в русской литературе. Ижевск, 1983; С. 5–12.

Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / предисл. И составл. В.И. Чулкова. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 236.

Корман Б.О. Лирика Некрасова. 2-е изд. Ижевск: Удмуртия, 1978а. С. 300.

Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система. Ижевск, 1978б. С. 108.

Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–480.

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим "я", в лирике Елены Агинской. Scripta manent: межвузовский сборник научных статей по филологии / отв.ред. М.П. Тихонова, ред. А.З. Тавасиева, Е.Ю. Кожина. Вып. XXV. Смоленск: СмолГУ, 2019а. С. 96–108.

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим "я", в поэзии Антона Азаренкова. Смоленский филологический сборник. 2019б. № 11. С. 98–108.

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим "я", в стихотворениях Дмитрия Веденяпина // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2020», секция «Филология», подсекция «История русской литературы XX–XXI веков». Электрон. текстовые дан.

2020a. URL: [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov\\_2020/data/section\\_35\\_19514.htm](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/section_35_19514.htm) (дата обращения: 19.11.2021).

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим «я», в книге Веры Павловой «Проверочное слово» // Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий. Брест: БрГУ, 2019д. С. 107–111.

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим «я», в лирике Линор Горалик. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2019», секция «Филология», подсекция «История русской литературы XX–XXI веков». Электронный ресурс. 2019в. URL: [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov\\_2019/data/section\\_34\\_15949.htm](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/section_34_15949.htm) (дата обращения: 19.11.2021).

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим «я», в поэзии литературной студии «Персона». Смоленский филологический сборник: Труды молодых ученых. Выпуск XI / ред. Л.Г. Каяниди. Смоленск: СмолГУ, 2019г. С. 88–108.

Леонова П.В. Мотивы, связанные с лирическим я, в лирике Веры Павловой. Смоленский филологический сборник: Труды молодых ученых. Выпуск X / ред. Л.Г. Каяниди. Смоленск: СмолГУ, 2018. С. 64–70.

Леонова П.В. Особенности мотивов, связанных с лирическим «я», в лирике Антона Азаренкова: от «\*\*\*» к «Детской синиме». Смоленский филологический сборник: Труды молодых ученых. Выпуск XII / ред. Л.Г. Каяниди. Смоленск: СмолГУ, 2020б. С. 135–152.

Романова И.В. Коммуникативная структура "Римских элегий" И. Бродского // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3(31). С. 74–85.

Романова И.В. Лирическая коммуникация в стихотворениях Гервасия Псальмова // 2014. № 4(28). С. 24–41.

Романова И.В. Мотивы, связанные с лирическим "я", в лирике И.А. Бунина. Смоленск: Известия Смоленского государственного университета, 2008. С. 7–17.

Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.

Романова И.В., Матаненкова Т.А. Применение индекса апеллативности для определения уровня адресации лирических текстов // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1(45). С. 6–24.

Романова И.В., Матаненкова Т.А., Двоенко Я.Ю. Лирическая коммуникация: вопросы методики и поэтики: монография. Смоленск: Свиток, 2017. С. 286.

Руссова С.Н. Автор и лирический текст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 305.

Сен-Сеньков, А. Стихотворения, красивые в профиль. Избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 192.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 400.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 572.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 311.

Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

**Leonova P.V.**

**MOTIFS RELATED TO THE LYRICAL "I"  
IN "POEMS BEAUTIFUL IN PROFILE" BY ANDREY SENKOV**

Key words: *lyrical "I", lyrical subject, lyrical character, modern poetry, Andrey Senkov, communicative structure lyrics, egotive text type, semantic groups of motives.*

*The paper continues the study of the problem of communication linked to specific features of lyrics as a literary genre. In this genre the object of lyrical description is disclosed through the image of lyrical character and his attitude to the world and the addressee. We pay attention to the ways lyrical subject and the addressee are expressed, to subjective-objective relationship features in «Poems, beautiful in profile» by Andrey Senkov. Motives related to lyrical "I" are analysed. The analysis reveals forms of expressing lyrical "I" and gives the opportunity to follow the creation of the image of lyrical subject of the author. The attention is paid not only to evaluative expressions, but to all actions performed by the subject. The set of these actions is unique for every author; but we can also observe the difference between motives at different periods of the author's creative career.*